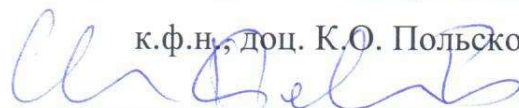

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе
Православного Свято-Тихоновского
Гуманитарного Университета,

к.ф.н., доц. К.О. Польсков

«10» мая 2018 г.

**Отзыв ведущей организации
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного
университета
на диссертацию Андреева Александра Андреевича
«Книжная справа Ирмология в XVII веке», представленную на
соискание ученой степени кандидата богословия (специальность –
православное практическое богословие)**

Диссертационная работа А. А. Андреева посвящена важнейшему явлению в церковно– общественной жизни России, а именно книжной справе второй половины XVII века, которая была нацелена на согласование русского богослужения с современным ему греческим, и с одной стороны, привела к созданию редакции богослужебных текстов, используемых в Русской Православной Церкви по сей день, а с другой, стала одной из причин трагического и до сих пор не преодоленного раскола Церкви и образования старообрядческих согласий, стремящихся к сохранению дореформенного богослужения. Это определяет актуальность исследования, которым автор вносит вклад не только в текстологию одного из наиболее важных памятников древнерусской литургической письменности – Ирмология, но и способствует на примере конкретной

книги объективному осмыслению долгое время остававшегося вне научного поля зрения процесса осуществления sprawy. Тем более, что материал, грамотно отобранный и обработанный автором (помимо печатных греческих и славянских изданий Ирмология, это 23 рукописных греческих Ирмология и Типикона, 57 славянских Ирмологиев, Типиконов, Часословов и др. X – XVII вв. из библиотек России, США, Франции, Нидерландов, Германии, Греции, Египта, а также «корректируемый экземпляр» ГИМ. Син. 762), обеспечивает надежную базу для изучения структуры литургических и текстологических изменений в славянском Ирмологии в ходе реформы второй половины XVII века.

Приняв эстафету от Х. Ханника и М.Г. Казанцевой, которые собрали всесторонний материал для изучения sprawy (описали важнейшие древнеславянские памятники Ирмология, подготовили критический текст, сформулировали тезис о его стабильности вплоть до «никоновской» реформы), А. А. Андреев осуществил первое в науке фундаментальное исследование о справе Ирмология и появлении в ее результате экземпляра 1657 года, послужившего образцом для дальнейших изданий книги.

Работа из 486 страниц включает введение, три главы (в каждой имеется детальная рубрикация и выводы), заключение, список рукописных источников и старопечатных греческих и славянских книг, список литературы из 234 работ на русском, английском, немецком, французском, итальянском, греческом, сербском, украинском языках, три приложения («Порядок ирмосов в исследуемых Ирмологиях», «Тексты исследуемых ирмосов», «Инципитарий ирмосов»). Список литературы весьма основательный, на будущее можно рекомендовать автору учесть работы по истории Октоиха И.Е. Лозовой и Н. С. Смеловой.

Во введении А.А. Андреев определяет цель работы – комплексно исследовать первопечатный Ирмологий 1657 г. и понять, как происходил процесс реформирования Ирмология в Москве в XVII веке. Автор выявляет лакуны в существующей научной традиции, ставит конкретные

задачи и объясняет, какими методами и на базе каких источников будет их решать. В конце введения перечислены основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Изменение состава и содержания Ирмология в XVII в.» автор рассматривает потенциальные источники для составления Ирмология 1657 г., изменения в составе и организации ирмосов в первопечатном и последующих изданиях. Он убедительно показывает, что при составлении печатного Ирмология справщики московского Печатного двора ориентировались не на древние славянские и греческие рукописные Ирмологии, а на венецианские печатные издания Ирмология XVI–XVII вв. (как это было и со Службником 1655 г., и описано в работах А.А. Дмитриевского и П.И. Мейендорфа), и в этом корректирует утверждение Х. Ханника. Хотя А.А. Андрееву не удалось найти полностью идентичного издания Ирмология 1657 г. (а, может, его и не было), однако он смог доказать его прямую зависимость от венецианских изданий 1568 г. и 1584 г. в отношении состава ирмолойной и обиходной частей; состава и порядка ирмосов внутри ирмолойной части. Также А.А. Андреев показывает, как в результате этой sprawy возникла т. н. «пространная редакция» славянского Ирмология, содержащая 992 ирмоса – не «новые», возникшие в результате создания новых служб русским святым после московских соборов 1547 и 1549 гг., как полагала М.Г. Казанцева, а ирмосы древних канонов из венецианских изданий Ирмология.

Во второй главе «Изменение текста ирмосов в Ирмологии 1657 г.» путем сопоставления поэтического текста ирмосов в дореформенной и пореформенной редакциях, а также в греческих и славянских рукописных текстах выявлены разночтения и переводческие ошибки. На статистических данных показано, что с точки зрения отсутствия переводческих ошибок текст Ирмология 1657 г. является пятикратным улучшением по сравнению с дореформенным текстом. Ошибки, допущенные в дореформенном Ирмологии, были внесены

древнеславянскими переводчиками из-за неправильного понимания греческого текста и проблем в самом греческом тексте. В дореформенной редакции анализированной части Ирмология А.А. Андреев насчитал 124 переводческие ошибки, что может быть выражено в соотношении 74 переводческие ошибки на 100 ирмосов. Из этих 124 ошибок 105 (или примерно 85%) засвидетельствованы в древних рукописях славянского Ирмология (хотя официальная позиция, выраженная на Соборе 1654 г., заключалась в том, что ошибки в славянском тексте возникали по причине повреждения текста, внесенного последующими переписчиками).

Что же касается пореформенного текста в Ирмологии 1657 г., то здесь автор насчитал лишь 24 переводческие ошибки, что выражается в соотношении 14 ошибок на 100 ирмосов. «Никоновские» справщики исправили 105 из 124 переводческих ошибок, присутствовавших в дореформенном тексте Ирмология, и ввели семь новых. Изменения в заново переведенных Арсением Греком и его сосправщиками ирмосах, в большинстве случаев касались не разночтений в греческих текстах, но отражали орфографические, лексические и синтаксические особенности церковнославянского языка второй половины XVII века, известные в науке как «третье южнославянское влияние».

Преимущество пореформенного текста над дореформенным (отмеченное также в работах митр. Макария (Булгакова), И. А. Карабинова, А.В.Карташова и др.) кажется очевидным, а вспыхнувшая проблема неприятия sprawy связанной, прежде всего, с привыканием к тексту, оставшемуся нетронутым на протяжении более четырехсот лет – предпринимая новый перевод Ирмология, справщики пошли наперекор устоявшейся текстовой традиции. По новому, ненотированному, Ирмологию правились ирмосы в других богослужебных книгах, что также усугубило кризис и в церковном пении, т.к. встала необходимость адаптации новых текстов к старым мелодиям.

В третьей главе «Реформа утрени, зафиксированная на страницах Ирмология 1657 г.» речь идет о комплексе литургических изменений в пореформенном издании. Под влиянием венецианского печатного Ирмология в составе утрени произошла отмена исполнения непрочных за воскресным бдением в случае исполнения полиелея, изменилось количество стихов и состава избранных псалмов, были введены две сокращенных редакции библейских песен, введена практика исполнения катавасий за будничным богослужением только по 3-6-8-9 песнях и др. На практике те элементы, которые были прочно укоренены (как исполнение величаний и канона с молебными припевами) так и остались в богослужении, те же, что служили возрастающей потребности к сокращению или упрощению его (отмена непрочных, изменение в уставе исполнения катавасий) были восприняты.

Третья глава отличается от других избыточным и от этого не вполне сбалансированным материалом. Ради глубины проникновения в историю формуляра богослужения утрени автор привлекает чрезмерную, на мой взгляд, базу источников и пытается кратко описать сложные, и не до конца изученные историко-литургические вопросы (каждый из которых достоин отдельного сочинения), пытаясь уложить их в «прокрустово ложе» объема кандидатской диссертации. Это неизбежно ведет к уязвимой фрагментарности описаний и вопросам о критериях отбора источников (что прекрасно понимает и сам автор, с. 158): например, почему в источниковедческую базу включены отдельные памятники студийской и неосавваитской традиции и оставлены в стороне иерусалимские, отражающие начальный и важнейший этап эволюции утрени (когда и возникли древнейшие ирмосы), и исследования их (Ш. Рену, М. Тархнишвили и др.)?

Остальные замечания к работе – самые незначительные: напр., редкие опечатки (ἀρχόμεθα τοῦς κανονοῦς, с. 223, верно – ἀρχόμεθα τοῦς κανόνους), на мой взгляд неоправданное использование в

русскоязычной работе, касающейся православной традиции, которая не сопоставляется здесь с западной или восточными, западного термина «византийский обряд» (с. 158 и др.), равно как и термина «Magnificat» (с. 156).

В целом, рецензируемый научный труд отличает фундаментальная источниковедческая база, умение видеть и решать научные проблемы, наличие научной дискуссии, ясная методология, глубина и концептуальность анализа, филигранная структурированность изложения материала, скрупулезно выверенный текст, владение научной этикой. Работа А.А. Андреева не только соответствует требованиям к кандидатской диссертации, но и превосходит их. Автореферат и опубликованные, в том числе в ведущих профильных англоязычных журналах, работы А. А. Андреева отвечают содержанию диссертации. Выводы доказаны, аргументированы, научно значимы, могут быть использованы в курсах по практической и исторической литургике, истории Церкви, а также послужат осмыслению и оценке литургической реформы XVII века, пониманию сложных аспектов современной богослужебной практики РПЦ.

Работу при незначительной доработке хотелось бы рекомендовать к публикации. А диссертанту пожелать сосредоточить свое внимание в будущем на подготовке критического издания греческого Ирмология, с учетом новых находок на Синае, грузинских и сирийских рукописей, без чего невозможно подвести черту и под изучением славянского Ирмология.

Диссертация соответствует в полной мере требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции Постановления Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 723), и требованиям, изложенным в Положении о кандидатских диссертационных советах в Русской Православной Церкви, утвержденным

Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом 13.03.2015, а ее автор заслуживает присуждения степени кандидата богословия.

Отзыв составлен канд. фил. наук, старшим сотрудником Научного центра истории богословия и богословского образования ПСТГУ А.Ю. Никифоровой, обсужден и утвержден на заседании Научного центра истории богословия и богословского образования ПСТГУ Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета 26 апреля 2018 г., протокол № 8/2018.

Заведующий Научным центром
истории богословия и
богословского образования
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета
доктор церковной истории,
доктор исторических наук,
профессор

Н.Ю.Сухова

Контактные данные: Образовательное частное учреждение высшего образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет». Почтовый адрес: 115184, Российская Федерация, Москва, ул. Новокузнецкая д. 23, стр. 5а. Телефон: (495) 114-50-80, (495) 953-22-89

Электронная почта: pstgu@pstgu.ru

